

одиночестве, которое воспринимал как безлюдье и которым, по-видимому, ничуть не тяготился. Любопытный психологический штрих - Фрост никогда не писал стихов по свежим следам как непосредственный эмоциональный отклик на то или иное событие, но лишь после долгой - иногда многолетней - паузы, дав чувству (или чувствам) дистиллироваться и отстояться.

Первую книгу Фрост издал в Англии, прославился в Америке; на протяжении десятилетий его стихи и его самого воспринимали по обе стороны океана совершенно по-разному. Для англичан он был поздним, может быть, последним романтиком, для американцев - реалистом, хранящим верность "правде жизни", - от конкретных примет пейзажа до узнаваемых персонажей. Для обоих подходов имелись определенные основания, хотя оба теперь кажутся упрощенными. Фроста следовало бы признать поэтом-экзистенциалистом (или поэтом-стоиком, что, впрочем, означает примерно то же самое), нашедшим смутно-атеистический (или пантеистический) ключ к преодолению ужаса бытия. Вместе с тем творчеству Фроста присущ дуализм - не только философский, но и формальный. И на этом вот формальном дуализме стоит остановиться в попытке увязать его с дуализмом философским.

На протяжении всей творческой жизни Фрост писал как рифмованные, так и белые стихи. Рифмованные были, как правило, невелики по размерам и традиционны по форме, белые - насчитывали порой по много сотен строк. Забегая вперед, отметим, что славой своей Фрост обязан пяти-шести рифмованным стихотворениям, попадающим во все антологии англоязычной поэзии, и всем без исключения белым.

Белые стихи Фроста написаны в форме драматического монолога (или иногда диалога), восходящей к английскому поэту XIX века Роберту Браунингу, учившемуся, в свою очередь, у Шекспира. Порой перед нами монолог автора (лирического героя), порой - персонажа, порой - диалог или последовательные монологи нескольких персонажей. Тот же Бродский освоил фростовскую технику в ряде стихотворений, первым в ряду которых следует назвать